

Но, когда она раздвинула руки раба, произошло непредвиденное.

Глаза девушки округлились – простые хлопковые трусы-смейки парня горделиво топорщились палаткой! Дина потрясенно отшатнулась, непроизвольно задержав взгляд на сей незамысловатой конструкции, взвизгнула:

«Закрой эту мерзость немедленно!»

Кён подчинился и пристыженно уставился в пол, глухо залепетав:

«Простите... Просто Вы так красивы... Простите...»

Дина прикрыла глаза, попыталась успокоиться и унять зашедшееся в бешеном ритме сердце. На её гладком лбу вскочила пульсирующая жилка, внутри клокотала ярость вперемешку с отвращением, однако, желание прибить мерзавца на месте словно улетучилось. Это ничтожество возбудился от неё... Не то чтобы данный факт вызывал удивление, всё же, она сама решила не переодеваться и пришла в одной ночнушке, любимой, между прочим. Вполне ожидаемо, что парень был сражён. Из головы уже вылетела та мысль, которая преследовала её до этого казуса.

Кён, в попытке сменить тему, вызвал урчание, покраснел, отвернув взгляд.

«Госпожа Дина, пожалуйста, можно покушать?»

«Скажи спасибо, что я не скормила тебе твоего мелкого свежеотрезанного дружка.» - договорив, девушка развернулась уйти.

«Не знаю, о каких дружках речь, но я очень голоден... Госпожа Дина.»

Служанка замерла, обернулась, посмотрела на раба, как на умственно отсталого. В её взгляде читалось недоумение: он серьезно не понял, о чем она, или издевается? Неужто так не терпится сдохнуть?

«Ты...» - девушка прорычала сквозь зубы какое-то ругательство и просто ушла, не желая иметь дел с таким ничтожеством. И, как и ожидалось, заперла ворота на замок.

Когда шаги за стеной стихли, Кён облегчённо выдохнул, оттянул резинку трусов и с веселым оскалом поприветствовал... нет, не «дружка», а обернутую вокруг талии блузку и черные трусики. Да, больше спрятать их было негде. И нет, он не надел их на себя.

{Жан наверняка сделает что-то очень пошное с твоими грязными вещичками... Дура ты эдакая.}

Кён, заметив тот последний подозрительный взгляд на трусы, понял, что служанка намерена обыскать его полностью, поэтому решился на отчаянный поступок, чтобы отпугнуть её... Удивительно, но девушка не убила его... Вроде бы одно прикосновение к Юноне приговорило прошлого раба к жестокой казни, а тут такое, но он жив.

Он знал, что служанки не в курсе, что раб должен быть евнухом или импотентом. Такой вывод был сделан, опять же, из того рассказа Флица – рабов ранее не кастрировали и не вкалывали “яйцезол” (относительно новый препарат), тем более, старик явно никому кроме Юноны о “яйцезоле” не говорил, а сама госпожа о таком делиться не станет.

Сумасшествие позади. Его маловероятный план вроде бы как постепенно выполняется.

В животе заурчало, теперь уже не демонстративно, а очень даже натурально, физиологически. Всё прекрасное настроение как ветром сдуло. Завтрашний день ведь ещё надо пережить... Как-то взять колбасу из рук Марины... И, самое главное, передать бельё Жану и наконец научиться основам стихий, без которых его здесь быстро превратят в отбивную.

Ночь на лавочке «приятной» можно было назвать разве что с очень большой натяжкой.

В конце концов проснувшись озябшим и с совершенно занемевшим телом, Кён со стоном потянулся и набрал Марину. К сожалению, судьба по-прежнему не желала проявлять к нему благосклонность:

«Как это ты не знаешь, когда придешь?! Почему?!»

Девушка виноватым голосом ответила:

«Флиц дал мне важное задание... Прости, но я никак не могу...»

Кён трагически скуксился. Вот что значит вручать свою судьбу кому-то ещё. Нет, он не был в обиде на Марину, всё равно он для неё почти никто, почему она должна нарушать приказы господина ради него? {Да уж.... Жизнь меня точно решила хорошенько вы...}

«Кён, я завтра точно приду! Не переживай, пожалуйста. Мне и самой хочется узнать... Увидеться с тобой.» - торопливо поправилась Марина.

«Если я доживу до этого “завтра”» - пессимистично вздохнул Кён и сбросил связь. Его организм восстановился далеко не полностью. Без энергии, даваемой едой, ему попросту нечем восстанавливаться. Все планы коту под хвост, последняя надежда - это Жан, а точнее основы стихий, которые тот пообещал дать в обмен на бельё.

Через пару часов скрипнул проворачиваемый в замке ключ, ворота распахнулись от увесистого пинка - на тренировочную арену пожаловала никто иная, как сама смерть в облики Юноны.

Привычный облегающий тренировочный наряд – чешки, тонкие штанишки, кофта – и очаровательно-демонический оскал, обещающий её персональной груше для битья все муки ада.

Практики этого мира все как один помешаны на развитии своей силы, а Юнона по данному стремлению просто-таки рекордсмен – сестру ей, видите ли, хочется уложить на лопатки. А битва с рабом, вроде как, скорее развлечение для её садистской натуры, нежели практика.

Кён в последний момент скатился с лавки, будто и не лежал на ней вовсе, не хотелось лишний раз драконить «госпожу». При виде златовласки, желудок наполнился яростью – как жаль, что сытым с её помощью не будешь, скорее получишь несварение.

Девушка в припрыжку преодолела пару шагов, но затем лицо её выразило секундное недоумение – согласно здравому смыслу, раб давно должен был умереть от голода и травм, но оказался действительно крепким. Кулаки тут же зачесались от желания избить милую мордашку, но оставался еще один нерешенный момент:

«Раб, за то, что вчера ты лапал меня, когда я на тебя упала, приказываю выбить себе все зубы.»

Кён был бесконечно возмущён. {ЧТО?! СУКА, ДА КАК ТЕБЯ ЗЕМЛЯ НОСИТ?!} – его ненависть была почти осязаема. Она сама на него вчера упала, а он теперь расплачивается!? Злопамятная лицемерная дрянь! Он почти сорвался, почти заговорил, желая облить “госпожу” матом, этим нарушив приказ молчать “всегда”, но сдержался. В нём всё ещё теплилась надежда на спасение, как бы мала она ни была. Он всё ещё рассчитывал на основы чистой силы, надежда есть и упускать он её не собирался.

{Клянусь матушкой, как только у меня появится возможность, я такой ад тебе устрою!}

Юнона подняла уголки губ в ответ на полное возмущения лицо раба, сменявшееся горечью. Восхитительное зрелище! Незабываемое удовольствие наблюдать за несчастьем других. Сам виноват, что попался на её пути. Пусть скажет спасибо, что она сразу же не отдала ему приказ убить себя. Приятную работу приятно сделать самой.

Парень с горькой миной на лице вмазал себе кулаком в челюсть – белые зубы с кровавыми пятнами дружным рядом посыпались изо рта. Юная чаровница едва в ладоши от восторга не захлопала, так была довольна представлением. Вот где счастье, вот где удовольствие – ничтожество, получающее по заслугам.

Вскоре почти все зубы были выбиты, изо рта струйками текла кровь, что явно не добавило красоты его и так потрепанной за последние сутки внешности полу-зомби. Бледный, усталый, едва держащийся на ногах – жалкое зрелище. И этот чертов приказ... Кён точно её не простит.

Хотя может показаться, что парень унижен и раздавлен, но всё это абсолютная ложь. Его

жизнь всего лишь попала в чрезвычайно стрессовую ситуацию, где его унижают и топчут ногами, но кто сказал, что это его сломит? Он трезво оценивает ситуацию, играет по правилам, чтобы затем восстать из пепла подобно фениксу. Внутри его глаз всегда горит негасимый огонёк бывшего императора, такой человек если и встанет перед кем-то на колени, если и будет унижаться, то только с уверенностью, что в будущем всё переменится на диаметрально противоположное. На коленях будут стоять перед ним.

Когда он закончил, Юнона слегка поаплодировала послушному рабу и, стиснув белоснежные кулачки, ринулась в атаку. Пора бы уже окончательно добить одноразовую вещь, как-то подзадержался он на этом свете.

Кён сплюнул кровь. Впервые он испытывал настолько яростное желание проломить кому-либо череп. {СУКА, хоть перед смертью я обязательно тебе врежу!}

пум *пэн* *пум*

Однако врезать не получалось, наоборот, Кён пропускал всё больше ударов, ему было всё хуже. Бледность, судороги в мышцах. Тело уже плохо слушалось, попасть по девчонке практически невозможно – за тот недолгий срок его избиения, она умудрилась еще и навыков от него поднахвататься, подняв свой уровень почти до 3.5 боевых кулака. А на лице ни капли жалости, лишь злорадство, какое-то маниакальное удовольствие от нанесения травм.

Юнона до сих пор не понимала, почему манёвры и движения парня настолько непонятны ей. Он с двойным недостатком в скорости заставляет её двигаться гораздо больше. Но она до сих пор отказывалась верить, что раб может её чему-либо научить. Ей казалось, что её новоприобретённые навыки движений связаны с тренировкой с Жаном.

В какой-то момент парень рухнул на пол, не в силах больше сопротивляться. Нет, он, конечно, мог бы начать поливать её благим матом или сказать что-то ещё, но вряд ли от этого увеличатся шансы выжить. А они всё же есть.

Разумеется, ад на этом не закончился: тут же последовали увесистые пинки, сопровождаемые тихим восторженным мурлыканьем Юноны. Кён чувствовал, как его онемевшее тело обжигается все новыми и новыми повреждениями: вот удар в бок явно цепанул почку, а этот чуть не разорвал сухожилие, еще тычок – ребра затрещали, по одному пошла трещина. Девушка не гнушалась специально ударить в одно место разика два-три, явно намереваясь полностью уничтожить его тело. Конец близок.

Юнона улыбалась всё ослепительней. Как приятно избивать это мягкое и живое (пока) тельце! Флиц сделал ей очень приятный сюрприз в виде живой груши, надо потом попросить его принести ещё парочку. Да, кайф... Жаль только, это отребье вопит слишком тихо. Настройки громкости слетели, что ли?

Внезапно тренькнул звукопередатчик.

Девушка прекратила добивать “манекен”, посмотрела частоту набираемого, с досадой рыкнула и установила связь:

«Что надо?!»

«Юнона, прости... Пожалуйста! Я виноват! Я хочу загладить вину! Можно войти?» - умоляющий голос в приборе принадлежал Егорке.

«Нет, и хватит мне звонить! Раздражаешь!» - вспылила девушка, повесила трубку, нанесла очередной увесистый пинок в рёбра рабу и, растеряв былой пыл, без настроения покинула площадку.

Кён так и остался лежать мёртвым грузом, сейчас его состояние было хуже, чем у коматозного. Лёгкое порвано, коленный сустав отек, мышцы пульсируют от боли. Так же, судя по метанию Синергии, Юнона его наградила легким сотрясением мозга, сломанным носом и фингалом под глазом. Он мысленно хмыкнул: {Егорка... Второй раз ты меня спасаешь.}

Два часа его никто не трогал. Парень, хоть и с трудом, но все же смог подняться на ноги. Бледность, пульсирующая в голове боль, изредка перекрывающаяся острым желанием лечь и больше никогда не проснуться. В глазах пустота, разбавляемая лишь разочарованностью в новой жизни. Если бы только Марина принесла колбасу...

Не успел он вдоволь насекрушаться и напредставлять себе, что было бы если бы да кабы, как ворота вновь отворились. И опять она... Лик смерти в обличии девушки-ангела – какая тонка ирония.

Девушка медленным грациозным шагом приблизилась к рабу. Недоуменно нахмурила бровки: раб оказался просто невероятно живучим! Прямо сокровище, а не груша для битья. С недовольством приставила к уху запястье с формацией:

«Слушаю.»

«Госпожа, мастер Жан прибыл.» - раздался голос Дины.

«Что-то рано он сегодня... Хорошо, пусть войдет.» - Юнона брезгливо окинула взглядом парня, разочарованно буркнула: - «Приказываю тебе спрятаться и не высовываться, а с твоей жалкой жизнью я покончу чуть позже.»

Кён мысленно возрадовался нетерпеливости мастера: ведь тот, ведомый желанием поскорее зарыться носом в украденную специально для него одежду госпожи, прибыл в поместье на несколько часов раньше, чем, фактически, спас парню жизнь.

Юноша, подобно восставшему мертвецу, преодолевая боль, поднялся на ноги и поплёлся

прятаться. Мастер Жан как раз вошел на тренировочную зону, тут же заметил Кёна и едва заметно приподнял брови в немом вопросе: «достал?».

Парень легонько кивнул: «достал».

Кён лениво подметил, что с прошлой их встречи Мастер как-то осунулся, исхудал, на заострившемся лице лихорадочно блестели покрасневшие глаза – неужто мужчина так разнервничался из-за какого-то платочка, что совершенно не спал прошлой ночью?

Он незаметно покинул площадку и направился в особняк. Приближался очень важный момент, который может в корне изменить его жизнь. Если мастер учует, что запах принадлежит не Юноне – все пропало. Ещё прошлым днём он досконально изучил внутреннее строение особняка и точно знал, в какой из ванных комнат принимает душ Юнона, и сейчас, на свой страх и риск, направлялся именно туда.

С грацией зомби и реакциями кота, он незаметно пробрался внутрь и зашёл в ванную комнату. Взял с полки шампунь и пару ароматных кремов, которыми пользуется Юнона, намазал пару капель на пальцы и побрёл обратно. Слуги тут тоже иногда бывают – моют сантехнику, меняют полотенца и заканчивающуюся химию, но именно сейчас, по счастью, ванная была пуста. Попадись он на воровстве хозяйской химии – его бы повесили, предварительно отрезав некоторые интересные части тела.

Уже около площадки Кён вынул блузку и трусики Дины. Убедившись, что за ним никто не наблюдает, немного пропитал их средствами гигиены Юноны, в надежде, что этого будет достаточно.

Вскоре из тренировочной зоны вышла Юнона и весело упрыгала в сторону особняка. Вслед за ней появился Жан, постоянно озирающийся в поисках парня.

Кён незаметно выбрался из кустов, подошёл к мужчине и поклонился. Тело пронзила острая боль, но он старательно изображал полное благополучие:

«Здравствуйте, мастер Жан.»

Мужчина изрядно удивился шепелявому голосу. Ему что, выбили зубы?! Плевать, главное другое. Он должен был достать вещи, иначе конец ему за несбывшиеся ожидания почтенного.

Мастер кивком пригласил его на пустую тренировочную площадку.

Кён присел рядом с мастером на лавочку.

Жан, стараясь не слишком явно демонстрировать собственное волнение, с серьезным видом произнес:

«Ну что, Кён, рассказывай.»

Парень вынул из кармана блузку Дины и вручил её мастеру.

<http://tl.rulate.ru/book/16292/362995>